



УДК 008 (091)

*Аванесова Г.А.*

**ИССЛЕДОВАНИЕ ФЕНОМЕНОВ НАРОДА И НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ  
В ГУМАНИТАРНОЙ МЫСЛИ ЗАПАДА И РОССИИ  
(Часть 2)**

**Аннотация.** Русская консервативная мысль прослежена на примерах понимания русского народа, российского сверхнарода, русской народной культуры философами и аналитиками первой четверти XIX – первой половины XX в. (дореволюционная мысль, аналитики русского зарубежья). Характеризуются попытки продолжить дискурс о народе, народной культуре в условиях доминирования советского марксизма. В заключение автор сравнивает то общее и особенное, что отличает консервативную мысль Запада и России в понимании народа, народной культуры.

**Ключевые слова:** народ, народная культура, нация, национальные культура, русский народ, русская народная культура, российский сверхнарод, русское национальное самосознание, народная стихия, традиция, душа народа, характер народа, народный дух, Соборная Душа народов России

**Проблема познавательно-мировоззренческих принципов анализа  
народа и народной культуры в отечественной науке**

В постсоветской России начался и до настоящего времени продолжается процесс активного обсуждения проблем русского народа, русской культуры. При этом доминирует стремление исследователей принять во внимание, прежде всего, современные теории нации и нациестроительства, а также осмыслить, насколько можно считать русских нацией. Содержательные результаты такого обсуждения пока остаются весьма размытыми; не вырисовывается общетеоретическое видение русской национальной культуры, ее соотношения с

культурой российской и с культурами других народов страны. В основе такой познавательной ситуации, на наш взгляд, есть определенные предпосылки.

Отечественный гуманитарный анализ постсоветского периода вынужден серьезно переосмысливать собственные методологические основания, которые до этого не одно десятилетие базировались на теоретических представлениях марксизма, ибо они тяготели к упрощенным схемам понимания народа, нации, культуры. Острота познавательной дезориентации объясняется не только обветшалым характером марксистской гносеологии, но и более широкой трансформацией мировоззренческих и ценностных ориентиров – сменой эпистемологической парадигмы, которую сегодня переживает гуманитарное и социальное познание в развитых странах мира. Особенно отчетливо смену парадигм можно видеть в этнологии и культурологической мысли, в частности, в теоретическом обосновании наций, национальных культур. В этой области социально-гуманитарной науки ныне представлены различные теории, каждая из которых, конкурируя с другими, тем не менее, не в состоянии удовлетворительно объяснить процессы этногенеза, нациестроительства, проблему сохранения культур разных народов, столь актуальные для значительной части населения планеты.

Для российского общества всегда был актуальным анализ сложных процессов межэтнических и международных взаимодействий. Их систематическое изучение в отечественной аналитической мысли начиналось в первой трети XIX в. и было, по существу, прервано во втором десятилетии XX в. принятием марксистской парадигмы в качестве единственной официальной теории, сквозной методологии в гуманитарной сфере советской науки. Ныне, после осознания утопического характера проектной части марксизма, после признания схематичности его аналитических принципов в целом, наша гуманитарная мысль сталкивается с непростыми задачами. Во-первых, восстановить прерванную преемственность с отечественной социально-гуманитарной мыслью, которая формировала собственную логику применительно к изучению народов России, и, в первую очередь, к русскому народу, русской и российской культуре. Во-вторых, освоить, развить принципы современного социально-гуманитарного анализа, воспринять его эвристику, овладеть его инструментами.

Попытаемся в какой-то мере продвинуться в решении первой задачи. Представляется важным рассмотреть понимание русского народа и русской народной культуры нашими аналитиками консервативного направления XIX – первой половины XX в., их переход к изучению нации и национальной культуры, который они начинали еще в условиях Российской империи, а завершали в условиях русского зарубежья.

### **Использование терминов «народ», «нация» в имперской России**

Слово «народ», восходящее к пониманию древнеславянского корня «род» [13], в русском языке использовалось в нескольких значениях. Во-первых, оно означало большую группу людей, связанных общим местом пребывания или проживания – от толпы до жителей конкретной

территории; во-вторых, устойчивое сообщество, т.е. людей, живущих одинаково, имеющих самоназвание и выделяющих себя среди других народов, имеющих общее происхождение, а также говорящих на одном языке (в Древней Руси род, племя, народ еще называли «язык»). Следует подчеркнуть, что на первых этапах развития христианской веры русские люди, не утрачивая самоназвания, в первую очередь отождествляли себя с религиозной верой – православием.

В более близкие к нам исторические периоды, помимо указанных выше смыслов под народом стали понимать также этнополитическую общность, т.е. нацию, граждан конкретного государства. Новые аспекты осмысления крупных страновых сообществ, связанные с государственными, международными, общественно-политическими отношениями, особенно активно стали закрепляться в русском языке после нововведений Петра I. Это было вызвано тем обстоятельством, что в данный период в Россию с Запада стало проникать понятие «нация», которое приобретало истолкования, связанные с идеями Просвещения, Французской буржуазной революции. В XVIII в. понимание отечественными аналитиками слова «нация», во-первых, приобретало во многом сходное значение, что и понимание «народа»; во-вторых, у него были смыслы, не известные до того русскому обществу, связанные с государственно-политической жизнью народа, с межгосударственными отношениями.

На протяжении всего XIX в. понятие «нация» постепенно проникало из сферы внешней политики в общественную сферу, в область философского анализа, публицистики и художественной литературы. Например, А.С.Пушкин использовал слово «нация» всего три раза, причем, дважды в произведении, которое он писал в 1835 г. под видом перевода с французского. И здесь понятие «нация» фигурирует в двойственном смысле – государственной и этнической принадлежности индивида. Слово же «народ» встречается у поэта в разных значениях 147 раз [14].

В нарождающемся философском анализе и публицистике этого периода термин «народ» и «нация», как правило, обретают синонимичность, хотя представители образованных сословий, были хорошо осведомлены о разных оттенках использования на Западе понятий, связанных с раскрытием национального и народного. П.А.Вяземский в одном из писем Ал.И.Тургеневу (1819) пишет: «Всякий грамотный знает, что слово “национальный” не существует в нашем языке; что у нас слово народный отвечает двум французским словам: populaire и national; что мы говорим песни народные и дух народный там, где французы сказали бы chansons populaire и esprit national».

В первой половине XIX в. самым распространенным в образованной среде остается обращение к слову «народ». Словарь В.Даля доносит до нас те нюансы, которые в первой трети XIX в. это слово имело в русской культуре. Если слово «нация» могло означать понятие, близкое к «государству», «гражданству», то слово «народ» не приобретало в то время политико-государственных коннотаций, сохраняя лишь значение «население страны, какой-либо

территории». Правда, слово «народ» в этот период обогащается, приобретая новый оттенок смысла – «простонародье», т.е. низшие, податные сословия и классы.

Укажем на одно лингвистическое нововведение первой трети XIX в.: от слова «народ» начинает отделяться понятие «народность», которое первоначально оставалось достаточно расплывчатым. Понятие народности приобрело немалое значение в деятельности так называемых «архаистов» начала XIX в. – А.С.Шишкова, Н.П.Гнедича, гр. Ф.В.Растопчина, С.Н.Глинки. Уже в наше время, Ю.М.Лотман полагает, что «архаисты сделали значительный шаг вперед в сторону идей романтического века, положив в основу своих рассуждений народ, нацию как некоторую автономную и замкнутую в себе субстанцию, не разложимую механически на отдельных индивидов, а являющуюся как бы индивидом высшего порядка» [15].

В 1820-е гг. одним из первых дал понимание понятия «народности» в набросках к художественному произведению о Наполеоне А.С.Грибоедов. Он связал сущность народности с «первообразным духом нации». Современный исследователь переосмыслил это выражение поэта как «плодотворную основу всех проявлений народной жизни, как решающее условие полноценного развития культуры» [16]. А.С.Пушкин трижды использует прилагательное «национальный», в том числе – в сочетании «национальный характер», однако слово «народность», по-видимому, было ему не по душе, в частности, из-за неопределенности значения. Но это не избавило поэта от упреков: некоторые критики считали, что его поэма «Евгений Онегин» «лишена народности»; другие считали, что это произведение по степени народности уступает «Коньку-Горбунку» П.П.Ершова. Более глубокое и точное понимание народности, достигнутое во второй половине XIX в., позволяет критикам реабилитировать народнический потенциал пушкинского творчества. Действительно, к тому времени народность уже не связывалась лишь с изображением исторического прошлого русских людей или с жизнью простонародья. Под этим словом стало пониматься, во-первых, сообщество интегрированное, как бы мы ныне назвали, культурным единством – историей, нравами, обычаями, языком; во-вторых, некую целостность и органичность жизни народа или его культурную самобытность.

Все перечисленные выше сдвиги в семантике конкретных понятий свидетельствуют, что образованные слои России XIX в., обсуждая сущность народного единства и нарождающихся национальных характеристик, не были удовлетворены распространенными формами их осмысления, а также чувствовали неадекватность тех представлений, образов и терминов, которые призваны отображать историческую жизнь масштабных человеческих сообществ. Уже в 1830–40-е гг. в пространстве общественной и философской мысли четко обозначились основные идейно-мировоззренческие направления, которые позже, дифференцируясь и обогащаясь, сформировали широкий диапазон представлений о русском народе и других народах России как о сложном государственном и культурном единстве. Эти направления, подчас резко расходясь в понимании основных идейно-политических проблем, в оценках народа, нации, национальной культуры, пересекались и взаимодействовали друг с другом. Однако следует признать, что

разные направления внесли не одинаковый вклад в анализ русского народа и народной русской культуры.

### **Понимание народа и народной культуры у ранних славянофилов**

Для ранних славянофилов народ – мощный социально-духовный организм, результат длительного исторического развития, аккумулирующий в своих недрах культурные традиции, устойчивую веру (русское православие), укорененные нравственные начала, соборное самосознание, народный дух (А.С.Хомяков). В подобном понимании народа угадывается связь с немецким романтизмом и немецкой философией начала XIX в., в частности, с позицией И.Г.Гердера, но при этом славянофилы используют подобные представления о народе и начинают говорить о русской народной культуре достаточно уверенно и свободно, осмысляя своеобразие русских людей, их культуры как органические явления их духа. Так, они первыми начинают систематически осмыслять расколотость русской культуры на две неравные части: собственно народную культуру и культуру аристократических сословий, образованных групп, которые по своему образу и укладу жизни, социальным привычкам и духовным ориентирам постепенно отчуждались от народной среды. Таким образом, славянофилы, как и романтически настроенные аналитики Запада, выделяли основную часть народа и отщепляющиеся от него слои, противопоставлявшие себя основной части народа, а порой называвшие народом (позже нацией) себя. Только в России высшими слоями была не буржуазия, а аристократия и образованные группы населения, тяготеющие к западной культуре. Славянофильское понимание народа базировалось на искренней вере в народ и его культурные традиции, но одновременно основывалось на абстрактном его рассмотрении, тяготении в большей степени к его прошлому, нежели к настоящему и будущему.

Взгляды славянофилов, в отличие от позиций романтиков, имевших далеко не приоритетное значение в философской мысли Запада, приобрели в отечественной гуманитарной мысли нешуточный резонанс. Они положили начало консервативному дискурсу о русском народе и его культуре, в рамках которого позже появились разные направления в светской философии и теологической мысли, художественной критике и публицистике, политической идеологии и общественной практике.

### **Начало консервативного дискурса о русском народе и народной культуре**

Говоря о гуманитарном анализе, следует указать на значение теории Н.Я.Данилевского о культурно-исторических типах, в которой он предложил более строгий (с использованием естественнонаучных процедур типологии и обобщения) подход к классификации неодинаковых по характеру, масштабам социокультурных сообществ Западной Европы и России. Признавая понятие «общечеловеческое единство» достаточно абстрактным, а по существу, трудно верифицируемым, как бы мы сказали сегодня, философ обосновывает представление о культурно-исторических типах (в современной теоретической терминологии о «локальных цивилизациях») как о наиболее масштабных механизмах культурной интеграции народов,

выработанных в процессе исторической эволюции. Культурно-исторический тип выступает по отношению к расе, племени (языковому и этнографическому семейству), народу/народности, нации/национальности как общее к частным моментам, как родовое понятие к видовому. Данилевский подчеркивает, что племенное состояние еще не позволяет говорить о появлении народа или нации, что это всего лишь «предварительный этнографический материал для более зрелых стадий народной жизни, которую русский народ давно преодолел». Вместе с тем он первый определил проблему создания всеславянского союза под эгидой России, русской культуры, русского народа, который призван стать противовесом и препятствием культурного давления на славянские народы со стороны Запада и, особенно, со стороны либеральных идей и социалистических движений. Соглашаясь со славянофилами, что реформы Петра I в определенной мере раскололи русских, философ не отрицает исторической необходимости петровских мер ради прорыва в будущее и сохранения суверенного развития русского народа в целом как самодостаточного культурно-цивилизационного и государственного единства.

Очевидно, что позиция Данилевского включает в себе новую парадигму рассмотрения русского народа, а также славянских народов, которая поднимает анализ отечественного мыслителя не только над народной, но и над национальной проблематикой. Русские в этой логике, сохраняя исторические особенности культуросозидающего народа, приобретают специфические характеристики консолидатора (но, как мы уточним сегодня, не сегрегатора, не ассимилятора) разных племен и этносов. Напомним, что в пространстве теоретического знания Западной Европы нация виделась, прежде всего, как растворяющая в себе собственные этноплеменные единицы, универсализующая внутрикультурное многообразие страны и одновременно дифференцирующая себя как государственное единство на фоне окружающих соседей. При этом немецкий вариант понимания нации акцентировал ее качества, связанные с органикой естественно-исторических процессов культурного, языкового, художественного развития, а французский и английский варианты – с политико-правовыми и гражданскими аспектами. Теория Данилевского предлагала во многом иное парадигмальное видение, более масштабный взгляд на *культурную* интеграцию народов, государств, формирующую крупные цивилизационные системы. В работе «Россия и Европа» анализируются возможности русского народа консолидировать славянские народы Западной Европы вокруг своей культуры. Образую тем самым сложное цивилизационное единство и одновременно сохраняя возможности для каждого народа в рамках этого единства проявить себя, не растворяясь в нем. Подобный подход, безусловно, следует признать инновационным в контексте западно-европейской культурно-философской мысли того периода.

Укажем на понимание русского народа и русской культуры еще одним из ярких сторонников консервативной мысли – К.Н.Леонтьевым. Поддерживая идеи славянофилов о самобытной силе русского народа, развивая подход Данилевского в рассмотрении типологического единства народов, углубляя его сравнительно-исторический метод, Леонтьев во многом не соглашался с предшественниками. У него выработан более критический и одновременно здравый подход к русскому народу, который позволял ему подвергать критике «иллюзии национального самообольщения», «самодовольное славянофильство», «народничество Л.Н.Толстого» и т.п. [17].

В объединительные силы современных славян он не верил, сомневаясь в возможности их интеграции лишь на основе давно утраченного кровно-племенного единства. Иное дело консолидация народов России на базе русской культуры и государственных начал. Внимательно вглядываясь в российскую действительность, хорошо зная западные народы, культуры Ближнего Востока, он предчувствовал скорое исчезновение имперской России под ударами разрушительных духовных воздействий Запада, нацеленных на всесмешение и упрощение любых самобытных форм культуры, а также под прямой силой революционных и социалистических идей. Леонтьев считал, что русский народ не должен позволить увлечь себя утопическими мечтаниями о лучшей жизни, построенной по чертежам западного мышления; в противном случае будущее пошлет русским невиданные испытания, которые заставят их из «народа-богоносца», стать «народом-богоборцем». В этой ситуации, как он полагал, русским следует рассчитывать только «на самих себя, на так называемый русский дух» [18].

### **Национально-консервативное развитие идей о русских, о русской культуре**

Еще один аналитический поворот консервативной мысли в изучении народа и его культуры можно связать с попытками понимания основ русского самосознания, формирования базы современной национальной философии [19]. Эти попытки прослеживаются в творчестве ряда исследователей второй половины XIX в. – А.А.Григорьева, Н.Н.Страхова, П.Е.Астафьева, Л.А.Тихомирова и др. До недавнего времени они не числились в ряду глубоких философов в силу как недостаточной проработки ведущих идей, так и откровенного акцентирования ими аналитических установок, связанных с изучением русского национального самосознания, русской психологии, русского духа и души, что рассматривалось как проявление национализма. Однако нынешний анализ их трудов свидетельствует, что в них нет ничего такого, что позволяло бы относить их авторов к шовинистам. Действительно, они делают более системным и осмысленным использование терминов «нация», «национальное самосознание», давая понять, что о русских можно говорить в таком ключе. Вместе с тем, они сохраняют преемственность с предшествующими этапами анализа русской культуры. Одни из них остаются в пределах метафизического анализа русской души, русской идеи (П.Е.Астафьев, Н.Г.Дебольский, Н.Н.Страхов и др.), другие исследуют русскую жизнь, русский дух посредством эстетических категорий и литературной критики (А.А.Григорьев и др.). Но, что примечательно, и те и другие всячески избегают узко социологического, политологического или ограниченного социально-экономического подхода в понимании нации, ее культуры, полагая, что они скорее позволят отобразить общие характеристики русского народа, но при этом не дадут возможности выделить его индивидуальные особенности.

Для этих философов несомненен сам факт, что духовный склад русского человека неповторим, оригинален, тяготеет к самосозерцанию, к рассмотрению своего душевного состояния, движений внутреннего мира. Говоря о русском характере, П.Е.Астафьев отмечает, что для русских людей «душа всего дороже», находя в этой позиции «основной мотив и Православия, и самодержавия и народности нашей» [20]. На этом основании формулируется вывод, что подлинно духовная

свобода может быть установлена лишь на «почве русского самосознания». Согласимся, что в такой трактовке нации заключен иной семантический потенциал, нежели это было свойственно западному позитивизму, что сближало наших исследователей с консервативным направлением в философии, с немецкой социологией.

Вот еще одно аналитическое достижение подобного подхода к народу, его характеру и культуре, позволяющее видеть отечественных аналитиков не архаистами, а чутко реагирующими на динамику культурных форм. Аналитики выделяют пластичность указанных феноменов в исторической эволюции. Другими словами, формы национальной жизни видятся ими во многом текучими, что придает народной культуре и народному характеру неповторимые стилевые особенности на той или иной фазе исторического развития. То есть признается, что базисные черты народа и его культуры проявляют себя неодинаково в конкретных условиях исторической жизни и на разных фазах развития народной души. Учитывая эту органическую пластичность народной жизни, А.А.Григорьев затрагивал проблему сложности анализа народа и народной культуры. Так, он полагает, что здесь, наряду с рационально-философским познанием, важны также интуитивные догадки исследователя, его вера в «народный организм», сочувствие народу, сердечный отклик на его беды и т.п. [21]. Сегодня мы дополним это рассуждение утверждением, что понять и адекватно отобразить любую народную культуру извне, с позиций чисто рассудочного познания, тем более отстраненно критически, невозможно.

Особенно беспокоит указанных выше исследователей то, что в современном мире имеет место подавление «национального характера, человеческого существования» в целом, что совместная жизнь людей изучается преимущественно с позиций экономического или социального анализа, в то время как культурные, духовные и национально-психологические качества жизни игнорируются (П.Е.Астафьев). Тем самым расшатывается «душевно-личностное начало русского народа, которого следует признать народом-нацией» (Н.Г.Дебольский). При этом представители данного направления не акцентировали факты социального раскола русских людей; для них было очевидно, что к русской культуре принадлежат и творят ее не только городские низы и крестьянская масса России, но и многие представители купечества, предпринимателей, ученых и политиков, родовитой аристократии и военных.

Конечно, этих философов интересовала проблема сохранения духовных качеств и национальных основ жизни русских людей (народные традиции, духовные идеалы, национальные интересы, национальное достоинство и др.) в условиях радикальной модернизации, изменений традиционной городской жизни, крестьянского быта, которые переживала пореформенная Россия. Изменения, необходимость которых диктовалась неустойчивым международным положением страны, безусловно, приобретали для основной части русского народа более драматический характер, нежели для населения развитых стран Западной Европы.

Анализируя жизнь русских в контексте распространения уклада жизни промышленных городов, политических и культурных ценностей западной цивилизации (рынок, классовая борьба,



демократия, политическая свобода, развлечения и зрелища и др.), Л.А.Тихомиров убеждается, что в этих условиях необходимо сохранить духовные характеристики русского народа – христианское понимание человека и смысла его существования, идеалов братства и любви к ближнему, сохранения государственно-имперского организма и его основы – русской культуры [22]. Речь, по существу, шла, используя современные представления, о национальной модели модернизационного обновления страны. Не случайно Тихомиров явился тем аналитиком, которого П.А.Столыпин считал возможным привлечь в качестве эксперта к анализу русской рабочей среды, защиты ее от разлагающего воздействия радикальными революционными идеями и выработки по отношению к ней эффективной государственной политики. Однако в тот период, в условиях самодержавной модели политического управления многие разработки исследователя не могли быть признаны правомерными и даже поняты имперской бюрократией.

### **Отечественная консервативная мысль о русских и русской национальной культуре в конце XIX – начале XX в.**

Ближе к революционным катаклизмам XX в. консервативная теоретическая мысль трансформируется, становится более реактивной, инструментальной по отношению к запросам времени, связанным с сохранением русского народа и русской культуры. Последнее выразилось в следующем. Во-первых, эта мысль выражает себя в более многообразных формах, чем ранее. В частности, разворачивает свою аргументацию в публицистике, а также пытается реализовать себя в политической практике (аналитические записки в высшие органы власти и на имя царя, сотрудничество с высшими управленческими органами государства, создание консервативных групп, партий, союзов, участие в работе Думы и др.). Что касается публицистики, то консервативная печать прославилась изданиями, которые возглавляли «охранители» (М.Н.Катков, А.С.Суворин) и в которых работали известные представители консервативной мысли. Данный в этих изданиях публицистический анализ затрагивал все аспекты русской и российской жизни, реагируя на самые незначительные повороты общественных настроений. При этом критики и журналисты умели блестяще обобщать, видеть за эмпирическими фактами сквозные общественные тенденции, которые они оценивали с позиций консервативно-национальных воззрений.

Во-вторых, консерваторы расширяют трактовку народа, нации, учитывая в их развитии не только религиозные, историко-культурные, политические, но и психологические аспекты, а также биологическое начало (В.В.Розанов, М.О.Меньшиков и др.) [23]. Так, анализируя проявления этнического сознания, культуры и поведения народов России, они видят в этом не столько социально-экономические, религиозные и иные интенции, сколько особенности, связанные с психологией народов, с их происхождением, темпераментом, интуицией и т.п. При этом значимость высших устремлений того или иного народа не отвергается, но сами эти устремления учитываются в более сложном контексте народного характера.

В-третьих, консервативная мысль находит силы подняться в анализе на более высокий теоретический уровень. В лице ныне почти забытого аналитика Д.Д.Муретова она озабочена поиском более точных определений исторических феноменов и связанных с ними ключевых категорий – народ, народная культура. Так, исследователь, будучи по образованию правоведом, поднимает вопрос о точном определении таких исторических феноменов, как народ, народность, нация, национализм и т.п. При спорности отдельных моментов в понимании подобных феноменов, его формулировки и поныне представляют интерес. В статье «Правда нашей войны» [24] он пишет о русском национализме как о сознательном служении своей народности [25], что позволяет видеть следующее: исследователи этого периода тесно связывали понимание нации с феноменом народности, считая национальное состояние современной стадией развития народа.

### **Новые подходы к анализу русского народа и русской культуры в эмиграции**

В послереволюционной эмиграции оказалось немало аналитиков, которые смогли продолжить анализ русского народа, его культуры, а также выработать более глубокие представления о нем, нежели это было сделано в условиях имперской государственности. Это не было случайным, так как без такого понимания невозможно было объяснить политические и культурные катаклизмы, произошедшие в России, – революции, мировую и гражданскую войны, укрепление советского общества. Обдумывая проблему русского народа, наши исследователи пытались понять множество других выходящих на нее факторов и причин, лежащих в основе произошедшего, найти ту совокупность предпосылок, которая завершилась падением старой России и рождением чуждого им советского мира. Примечательно, что исследователи, которые в условиях империи тяготели к либерально-демократическому либо к марксистскому анализу, в изгнании нередко пересматривают свои позиции, обращаясь к изучению трудов отечественных консерваторов, признавая реализм их оценок и прогностический потенциал. Вместе с тем, пережитое в России и в эмиграции стало для многих аналитиков важным источником для формирования трезвых оценок, оригинальных выводов и адекватных прогнозов. Оторванные от отечественной интеллектуальной среды, от читательской аудитории, они работали с полной уверенностью, что их труд не пропадет бесследно, ибо будет востребован грядущими поколениями несоциалистической России.

Охарактеризуем общую основу переосмысления проблематики русского народа в рамках таких разных направлений, как консервативно-монархическая мысль, евразийство, либерально-демократические представления, православно-теологический анализ, в контексте исследований, проводимых такими крупными фигурами русского зарубежья как Н.А.Бердяев, И.А.Ильин, Н.О.Лосский, И.Л.Солоневич, Г.П.Федотов, Г.В.Флоровский и др. Результаты проделанного в эмиграции анализа позволяют утверждать, что отечественные исследования заметно продвинулись в понимании русского народа / русской нации, сравнительно с анализом имперского периода.

Во-первых, за рубежом продолжает углубляться представление о русских как о специфическом народе, способном интегрировать вокруг себя другие этносы, не притесняя их, не разрушая их культурного своеобразия, но создавая масштабное цивилизационное сообщество, которое определяется в эмиграции как сверхнарод, как «многонародная нация» (И.А.Ильин). В эмиграции уже детально исследуются те культурные отношения, которые исторически возникали в России между русскими и другими народами страны, формируя цивилизационное единство. Эту задачу выполняли евразийцы, когда прослеживали связи между славянскими и тюркоязычными народами, предложив при этом типологию их социально-психологических качеств, которые не конфликтуют, а дополняют друг друга [26].

Во-вторых, разрушительные процессы в России и мире в первой половине XX в. предоставили эмигрантам возможность взглянуть на проблему русских как современной нации особого типа. При этом представители разных течений отечественной философской мысли в эмиграции не заимствовали готовые определения нации и национализма из работ западных авторов. Они продолжают связывать национальное состояние русского народа, прежде всего, с культурой (нравственностью, православием, особым психическим складом), и только вслед за этим – с государственным строительством, политической активностью, хозяйственно-экономическими навыками. Г.П.Федотов пишет: «Нация, разумеется, не расовая и даже не этнографическая категория. Это категория, прежде всего, культурная, а во вторую очередь политическая» [27]. Эти представления дают возможность увидеть еще одно важное качество русской мысли в изгнании: большое значение она, говоря о роли русского народа в России, придает его культуре, приобретающей цивилизационную глубину, формирующей общенациональное единство разных народов.

Своеобразно обосновывает право русских на собственный национализм и И.А.Ильин, выражая его сущность в морально-православных образах: «Национализм, есть любовь к историческому облику и творческому акту своего народа во всем его своеобразии. Национализм есть вера в инстинктивную и духовную силу своего народа, вера в его духовное призвание. Национализм есть воля к тому, чтобы мой народ творчески и свободно цвел в Божьем саду» [28]. Он пишет, что Россия остается «хранительницей русского национального духа в его всенародной и общенародной совокупности» [29]. Поскольку Россия велика, многолюдна, многоплеменна, многоверна, она, по оценке Ильина, была и будет Империей, т.е. единством во множестве [30]. Такая трактовка русского национализма не согласуется с пониманием национализма западного склада и тем более с интернационалистскими представлениями и национальной политикой денацификации русских в условиях доминирования советского марксизма.

Новую струю вносит в подобное понимание русского национализма И.Л.Солоневич. Задаваясь вопросом, что позволило русским создать в неблагоприятных геоклиматических условиях северной Евразии масштабный, мощный имперский организм, он не отрицает ведущей роли в этих процессах православной доминанты. Вместе с тем философ полагает, что за этой доминантой скрыты глубинные характеристики народа – «национальные запасы инстинктов,

психологии и эмоций, а также морали» [31]. Таким образом, биофизическая основа народной жизни учитывается, но наибольшее значение придается моральным, культурным, религиозным и политическим факторам.

И еще одно достижение отечественных исследователей за рубежом. Опираясь на методологические сдвиги, которые вырабатывались в зарубежной гуманитарной мысли, в таких дисциплинах, как этнология, теология, культурантропология, культурфилософия, наши авторы немало усилий потратили на прояснение сущностных качеств русского народа. Эти проблемы были затронуты или детально прослежены в работах почти всех видных философов. При этом они отказываются от разработки беспроblemного или облегченного понимания русского народа. Они учитывают глубокие противоречия в его характере, возможные срывы в процессе самопознания, а также развивают мысль предшественников о том, что в разных исторических обстоятельствах признаки народного характера проявляются неодинаково.

Так, И.А.Ильин рассматривает проблематику русской идеи в ключе детального анализа тончайших душевных движений, духовных устремлений русских людей как во вне – на другие народы, на государственное строительство, так и внутрь – на душу, национальное самосознание. Исследователь уделил много внимания тому, как проявили себя характер и поведение русских людей в период революционной смуты. В итоге он ставит многим социальным группам жесткий диагноз: русская масса по невежеству, ребячливой доверчивости, по незрелости национального характера и правосознания поддержала революционное безумие [32]. Но философ уверен, что русский народ опамятуется; рано или поздно он сможет критически взглянуть на этот период своей истории.

Н.А.Бердяев, говоря о русском самосознании, сосредоточился на его противоречиях: сверхнационализм – универсализм; безграничная свобода духа – жуткая покорность и социальный сервилизм; Святая Русь – Русь звериная и т.п. [33]. Однако философ не представил сколько-нибудь убедительного анализа этих противоречий.

Давая определенным качествам русского народа нередко нелюбезные оценки, исследователи не снимали вины и с представителей интеллектуальной среды, и с себя лично как органической части русского мира. В их трудах современный читатель встретит глубокий анализ роли разных социальных сил и сословий в исторических процессах как государственного строительства, так и дезинтеграции России. В целом, их исследования остаются честными в поисках истины и оптимистическими по отношению к будущему русского народа. Завершаем анализ данного периода мыслями протоиерея Георгия Флоровского, которыми он завершает написанную в изгнании книгу «Пути русского богословия»: «Ошибки и неудачи прошлого не должны смущать. Исторический путь еще не пройден, история Церкви еще не кончилась. Не замкнут еще и русский путь. Путь открыт, хотя и труден.<...> Есть таинственный путь подвига для оставшихся, путь тайного и молчаливого подвига в стяжании Духа.<...> Подлинный исторический синтез не столько в истолковании прошлого, сколько в творческом исполнении будущего» [34].

## Обращение к теме русского народа и народной культуры в советских условиях

В советский период систематического объективного анализа русского народа и народной культуры не было и не могло быть, если учитывать, что новая власть начинала правление с беспрецедентного поношения «великорусского шовинизма» и террора, который обрушился, в первую очередь, на русских людей. Позже, когда руководящая верхушка стала осознавать острую необходимость использовать силу русского народа (это происходило накануне Великой Отечественной войны), теоретический анализ русского характера, культуры и жизнедеятельности по-прежнему оставался под запретом. Однако все это не помешало советскому марксизму широко использовать термины «народ», «народный» в качестве общеупотребительных клише (народное хозяйство, народный артист и т.п.). Только в 1970-е гг. стало возможным появление первых исследований о русской национальной культуре, в которых анализ осуществлялся в то время строго в рамках советского марксизма [35].

Несмотря на сложности, свободный и глубокий анализ русского народа и его культуры все же созрел и порой осуществлялся в предельно сложных условиях. Приведем три примера. Во-первых, сошлемся на уникальный случай разработки трактата о русской и российской метаистории в книге Д.Л.Андреева «Роза Мира», которая была написана в 1940–50-е гг. в тюремных камерах и издана лишь на рубеже XX–XXI вв. [36]. Не имея возможности целостно раскрыть здесь взгляды этого оригинального философа относительно интересующей нас проблематики, отметим, что его произведение относится к редкому жанру религиозно-философского, метаисторического, мистико-мифологического характера. В книге дана грандиозная панорама судеб отечественной – русской, а затем и российской – метакультуры на протяжении тысячелетнего периода. В данном случае для нас важен анализ русского народа, а также Соборной Души российского сверхнарода. Очевидно, что автор углубляет традиционные для нашей аналитики категории о сверхнароде и его душе, о роли русских в интеграции разных этносов в сверхнарод.

Соборная Душа понимается Андреевым совершенно оригинально в сопоставлении с ее трактовкой другими отечественными и зарубежными исследователями. Душа, по его представлениям, формируется в рамках российской метакультуры, т.е. пространства, существующего параллельно земному эмпирическому миру на уровне иновременных слоев вокруг нашей планеты. Идеальную Соборную Душу нельзя считать механической суммой предшествующих поколений и живущих людей; это и не совокупность каких-либо психологических или иных социальных характеристик российского сверхнарода. Она представляет собой первичную богорожденную монаду, т.е. особую духовную единицу, которая способна олицетворять собой экзистенциальное единство прошлых, настоящих и будущих поколений народов страны. Душа таит в себе прообразы высших возможностей нации и облечена в тонкоматериальную ткань многомерных пространств. По мере исторического становления народа, затем нации, чередования поколений, а также личной зрелости живущих поколений все больший объем тонкоматериальных образований каждого поколения и каждого человека приближается к

душе и объемлется ею, сообщая ей характер соборности. По мысли Андреева, существующая тесная связь между Соборной Душой и сверхнародом может быть понята не рациональным анализом, но лишь косвенным образом, через пробуждаемые в народе чувства, внушаемые людям определенные деяния. Происходит это в силу того, что Соборная Душа генерирует в себе мощный духовно-волевой заряд, который в определенные моменты истории способен воодушевить российский сверхнарод на великие подвиги [37].

Говоря об эмпирических качествах русского народа, автор полагает, что его внутренние силы, связанные с проявлением характера, во многом подавлены церковно-религиозной системой, надорваны социальным неравенством, принижены государственным строительством. И все же в трактате подробно раскрываются формы проявления народных сил и энергии, имевшие место в нашей истории: в освоении пустынных, тяжелых для проживания северо-восточных территорий, в художественно-творческой деятельности, в явлениях вестничества (в пророчествах, предвидениях, синтезе осмысления видимых и невидимых миров) и др.

Два других примера связаны не с только прямым анализом русского народа и его культуры, сколько с теоретическими разработками, которые позволяли в будущем преодолеть узкие методологические рамки советского марксизма. Речь идет об идеях этногенеза Л.Н.Гумилева, а также об обсуждении уже в середине 1980-х гг. философами, этнологами, искусствоведами, культурологами понимания природы традиции и ее функций в народных культурах. Оба направления анализа позже сыграли важную роль в понимании русской народной культуры.

### **Заключение**

Завершая анализ консервативной мысли Западной Европы и России о народе и народной культуре, прежде всего, укажем на их общие моменты. Мы вынуждены обращаться к языку современных понятий и научных представлений; однако делается это в той мере, в какой проводимый предшественниками анализ позволяет отобразить их логику и исследовательские результаты.

Подчеркнем, что оба вида анализа покоятся на общетеоретических, метафизических, порой – на теологических или религиозно-мистических основаниях своего времени. Сегодня можно утверждать, что консерваторы усматривали в народе и народной культуре фундаментальные явления, постепенно созревающие и реализующие внутреннюю силу в ходе своей исторической эволюции. Процессы эти рассматривались аналитиками как спонтанные, протекающие в режиме исторической самодеятельности и самореализации разных поколений народа, через их адаптацию к меняющимся внешним обстоятельствам жизни. Лишь в малой степени и весьма в своеобразных формах подобные процессы способны отображаться в народном самосознании. Еще менее они могут быть подвергнуты корректировке извне, «отрегулированы» со стороны рационально действующих субъектов. Управленческие структуры или активные политические лидеры могут воздействовать на отдельные звенья и аспекты исторической жизнедеятельности

народа, но трансформировать народную культуру за краткий исторический период методами проектно-целевого воздействия невозможно.

Историческая эволюция народной культуры рассматривается консерваторами сквозь призму механизма традиций, с реализацией заложенных в разные поколения жизненных сил и духовной энергии. Культурная традиция не произвольна и не случайна; ее характер, с одной стороны, вытекает из жизненных усилий множества поколений, с другой, она связана с онтологическими качествами окружающего мира, опираясь на универсалии бытия. Поэтому традиции не должны произвольно, бездумно разрушаться, ибо тем самым подрывается вся культура и жизнедеятельность народа. Исчерпавшие себя традиции сами трансформируются или отмирают. В культуре важны также механизмы обновления, но они могут действовать лишь на основе традиций и в постепенном режиме. В многообразных формах культуры проявляются и закреплены религиозные верования, нравственные убеждения, трудовой потенциал, социальная активность, а также характер народа, его душевные и духовные силы, воля, заложенные природой дарования, словом, вся стихия народной жизни.

Представители и зарубежной, и отечественной консервативной мысли полагали, что народ и народная культура, будучи фундаментальными явлениями, способны достигать в современных условиях фазы национального развития. Но между народом и нацией, народной и национальной культурами должна сохраняться преемственность. В этой связке народная культура приобретает базовый характер, ибо она сохраняет традицию, оберегая тем самым онтологический контур, в то время как фаза национальной зрелости сама по себе не формирует выхода на онтологический уровень. Национальные культуры в той форме, в какой они проявляли себя за последние два столетия в странах Запада, прежде всего, нацеливались на собственный прогресс, на постоянные и динамические самотрансформации ради ближайшей пользы и выгоды, поэтому, как полагали консерваторы, разрыв с народной культурой для них может стать гибельным.

Народная культура является итогом деятельности многих поколений народа – прошлых, настоящих, будущих. Без этой преемственности народная культура не в состоянии развиваться и самосохраняться. Отсюда подозрительное отношение консервативной мысли к революциям, к радикальным проектам переустройства общественной жизни, к технике и технологическому прогрессу, к сциентистским проектам, разрабатываемым научной средой.

Выделим те особенности русской консервативной мысли, которые отличали ее от западных исследований. Так, отечественные аналитики, изучая свойства русского народа и его культуры в условиях формирования новых – национальных – черт, не считали многие из них желательными, но говорили об их губительности для русских. Так, по их мнению, для русских неприемлемы качества, которые становились неотделимыми от западных наций, в частности, национальный эгоизм, узко понятые национальные интересы, рассудочность, утилитарность и др. Западная консервативная мысль могла подвергать критике иные качества, которые рассматривались как губительные для народа. То же можно сказать и относительно тех качеств, которые

традиционные народы утрачивали в условиях современного общества. Для отечественных аналитиков неприемлемой была утрата русскими людьми их душевной отзывчивости, духовной свободы, интуиции, тесной связи с природной средой и др.

Аналогичное разделение дает и пример значимости для понимания разных сторон жизни и культуры народов. Так, для западных и, прежде всего, немецких консерваторов ведущее значение в понимании народов придавалось биофизическим, расовым признакам, в то время как русские аналитики, учитывая в конце XIX – начале XX в. эти отличия народов, на первый план в понимании русских людей выдвигали чисто духовные и нравственные факторы их развития.

Еще одна особенность русского народа привлекает к себе пристальное внимание отечественных аналитиков. Русские не размывали другие этнические сообщества, не уничтожали их культуры, но интегрировали народы страны вокруг своего культурного мира, формируя тем самым более масштабное пространство российской цивилизации. Это более сложное – культурно-цивилизационное – единство наши теоретики готовы были называть нацией, сверхнародом.

Стратегия действий западных наций в процессе освоения ими заморских колоний носила иной характер, приобретая для жизнедеятельности и культуры колониальных этносов в основном разрушительный эффект, что привело в середине XX в. к распаду колониальной системы. Указанные закономерности, связанные с этногенезом, нациестроительством, с формированием сверхнарода, ныне по-прежнему концептуально отрефлексированы слабо, что требует разработки адекватной теоретической парадигмы.

Полагаем, что в современных условиях российской действительности мы в состоянии выделить еще одно конструктивное качество консервативного отечественного дискурса. Сегодня есть все основания утверждать, что представителям консерватизма имперского периода, исследователям русского зарубежья удалось адекватно спрогнозировать некоторые, безусловно, важные моменты в развитии русского характера, русской культуры, русской жизни, хотя многого они, конечно, предвидеть не сумели. Но для нас важно то, что они смогли аналитически предсказать некоторые весьма значительные линии дальнейшего развития отечественной культуры, а также отдельные – как позитивные, так и разрушительные для самого народа – его характерологические свойства. Особенно важно, что мы, их потомки, живущие в совершенно иных условиях нового века, ощущаем их органическое единство с отечественной культурой, а также их воодушевляющую веру в русский народ, в культурную интеграцию всех граждан России.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

[13] Немецкие хронисты VIII–IX вв., изучая древнеславянские племена, использовали слово *ratz*, восходящее к полабскому *rod* – род, совет, правление. См.: *Пересвет А. Русские – не славяне?* М., 2009. С. 295.



- [14] Здесь и ниже мы в некоторых случаях оперируем результатами исследования А.И. Миллера, представленными в статье: *Миллер А.И.* «Народность» и «нация» в русском языке XIX в. // *Российская история*. 2009. № 1.
- [15] *Лотман Ю.М.* Проблема народности и пути развития литературы преддекабристского периода // *Лотман Ю.М.* О русской литературе: статьи и исследования (1958–1993). СПб., 1997. С. 230.
- [16] *Русские писатели: биобиблиогр. словарь: в 2 т.* М., 1996.
- [17] См.: *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и Славянство: в 2 т. М., 1996. Т. 2. С. 243.
- [18] См.: *Леонтьев К.Н.* Записки отшельника // *Леонтьев К.Н.* В поисках храма. М., 2005. С. 309.
- [19] В этот период понятия «нация», «национальный» приобретают более широкое распространение в философской мысли как отображающие современные формы жизни всего русского народа.
- [20] *Астафьев П.Е.* Национальность и общечеловеческие задачи. М., 1890. С. 34.
- [21] См.: *Ильин Н.П.* Трагедия русской философии. М., 2008. С. 350–351.
- [22] *Тихомиров Л.А.* Рабочий вопрос и русские идеалы // *Тихомиров Л.А.* Россия и демократия. М., 2007.
- [23] См.: *Меньшиков М.* Национальная империя. М., 2004; *Розанов В.В.* Около народной души: статьи 1906–1908 гг. М., 2003.
- [24] Речь идет о войне 1914 г.
- [25] См.: *Нация и империя в русской мысли начала XX в.* М., 2004. С. 178.
- [26] См.: *Глобальные проблемы и перспективы цивилизации (феномен евразийства).* М., 1993.
- [27] *Федотов Г.П.* Новое отечество // *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России: избр. статьи по философии рус. истории и культуры: в 2 т. СПб., 1991. Т. 2. С. 245.
- [28] *Ильин И.А.* О русском национализме // *Ильин И.А.* О грядущей России. М., 1993. С. 266.
- [29] *Ильин И.А.* Кое-что об основных законах будущей России // Там же. С. 160.
- [30] То же. С. 195.
- [31] *Солоневич И.Л.* Народная монархия. М., 2005. С. 350.

- [32] *Ильин И.А.* О страданиях и унижениях русского народа // Там же. С. 116–117.
- [33] *Бердяев Н.А.* Душа России // Русская идея: сб. произведений рус. мыслителей. М., 2004.
- [34] *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. М., 2009. С. 658.
- [35] См.: *Познанский В.В.* Очерк формирования русской национальной культуры, перв. пол. XIX в. М., 1975.
- [36] *Андреев Д.Л.* Роза мира. М., 2008.
- [37] Там же. С. 306, 429 и др.

© Аванесова Г.А., 2011

Статья поступила в редакцию 15 декабря 2010 г.

***Аванесова Галина Алексеевна,***  
доктор философских наук, профессор,  
заведующая кафедрой истории и культурологии  
Московского государственного гуманитарного университета  
им. М.А. Шолохова (Москва),  
e-mail: gal-09@list.ru

***Avanesova G.***

**PHENOMENOLOGICAL STUDIES IN PEOPLE AND POPULAR CULTURE  
WITHIN THE WESTERN AND RUSSIAN HUMANITIES AND SOCIAL THOUGHT  
(PART 2)**

**Abstract.** Interpretations of the notions of people and popular culture in the Russian conservative thought are analysed on the base of the use of such notions as Russian people, Russian suprapeople, and Russian popular culture in the works of philosophers and analysts of the 19th and the 20th centuries (prerevolutionary thought, Russian Emigration writers). The author also addresses attempts to continue discourse on people and popular culture within the framework of the Soviet Marxism and finalises the article with comparative reviewing notions of people and popular culture in Western and Russian conservative thought.

**Key words:** people, popular culture, nation, national culture, Russian people, Russian popular culture, Russian suprapeople, Russian national consciousness, popular elements, tradition, people's soul, people's nature, people's spirit, Collective Soul of the Russia's peoples

***Avanesova Galina Alekseevna,***

Doctor in Philosophy, Professor,

Head of the History and Culturology Department,

Sholokhov Moscow State University for the Humanities,

e-mail: gal-09@list.ru